

ЖУРНАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

5
2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Эдуард ГОВОРУШКО. Встань и живи. <i>Повесть</i>	3
Светлана СЫРНЕВА. Звезда меж тучами. <i>Стихи</i>	34
Владимир КРУПИН. Это было на русской земле. <i>Рассказы</i>	39
Наши публикации. Песни Дона (казачий фольклор в литературной обработке Сергея Васильева)	52
Вячеслав КИКТЕНКО. «Неандертальца ищу...» <i>Повесть</i>	59
Студия «Огни Москвы»: Ольга ГРЯЗНОВА, Вера ШУШПАННИКОВА, Евгения СУВОРОВА, Светлана КНЫШ, Екатерина ЧАСОВНИКОВА	131
Александр ЧАШЕВ. Новеллы из цикла «Заотнё»	137
Инесса ИЛЬИНА. Припомнить заданные сроки. <i>Стихи</i>	144

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид РЕШЕТНИКОВ. Любовь к родине оказалась сильнее классовой ненависти	147
Петр МУЛЬТАТУЛИ. Генерал Власов: история измены	152
Сергей КОРМИЛИЦЫН. Коллаборационизм или предательство?	165
Дмитрий ТАБАЧНИК. Пролог власовщины	169

КУЛЬТУРА

К 100-летию со дня рождения Льва Ошанина	173
Игорь ИЗБОРЦЕВ. Живая тайна России	179
Надежда СТУПИНА. «Собственный мотив» судьбы	186
Сергей ЦВЕТКОВ. Убитый и оболганный	191

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Василий НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО. Впечатления о плавании по Волге и Каме в 1875 году	198
--	-----

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Георгий КРЫЛОВ. Влюбленный ботаник, или по поводу «акции» Pussy Riot	228
Протоиерей Андрей МИХАЙЛОВ. Богословско-аскетическая традиция преподобного Паисия Величковского и святителя Игнатия Брянчанинова	231

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ

Заместитель главного редактора А.Н. ПОЗИН (691-83-86)

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (691-83-64)

Отдел поэзии и прозы Е.М. УСТИНОВА, Т.А. НЕРЕТИНА (691-68-01)

Отдел культуры К.А. КОКШЕНЕВА (691-83-64)

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (691-68-01)

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (691-83-84)

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (691-71-10)

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСИЙ (ФРОЛОВ),
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН,
В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ, П.В. МУЛЬТАГУЛИ, И.И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В.Г. РАСПУТИН, А.С. САЛУЦКИЙ, М.Б. СМОЛИН (председатель),
архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ), И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 23.04.12. Формат 70х108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.

Тираж 3450 экз. Заказ 3986.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

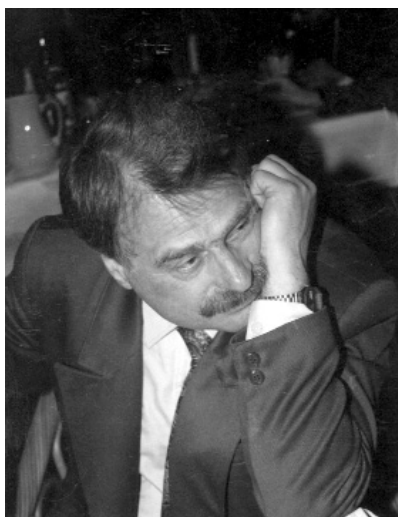
Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат». 142300, г. Чехов Московской области. Факс +7(49672) 6-25-36, +7(499) 270-73-59. Телефон (многоканальный) отдела продаж услуг: +7(499) 270-73-59. Сайт: www.chpk.ru; e-mail: marketing@chpk.ru

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 5, 2012

ЭДУАРД ГОВОРУШКО

ВСТАНЬ И ЖИВИ

Эдуард Лукич Говорушко родился в 1939 году в Белоруссии. Окончил географический факультет МГУ.

Журналист. Работал собкором «Советской культуры» и других изданий по Прибалтике, заместителем редактора еженедельника «Суббота» в Риге.

С 2001 года живет в США.

ПОВЕСТЬ

От автора

Эта в общем-то горькая повесть о моих родителях и родне написана по просьбе дочери Юли для моих американских внуков — Андрюши и Анечки. Чтобы знали о своих корнях.

Оккупантов моих родных мест в 1941 году не политкорректно называю немцами, а не гитлеровцами или фашистами. Так их называли и до сих пор называют в Белоруссии.

Трудно представить, но маму свою помню с двух лет и двух месяцев, с тех пор, как в нашу деревню Остров в Белоруссии пришла война. Жарко, с треском горящие плетни, отделяющие огороды от поймы реки Добысна, которую форсировали немцы, пулеметный огонь и разрывы снарядов. Вслед за старшими ребятами раз за разом безуспешно пытаюсь вскарабкаться и перелезть плетень в месте, куда пламя еще не добежало. Обреченно повисаю и бессильно сползаю вниз, задыхаясь от слез и дыма. И вдруг чьи-то руки подхватывают меня с другой, спасительной стороны. Отблески огня падают на родное лицо, до неузнаваемости искаженное смертельным ужасом и страхом. Испуганный ее страхом, перестаю плакать... Безмолвно прижав меня к груди, мама огородам бросается к деревне...

Сквозь проблески сознания вижу ее, склонившуюся надо мной в землянке, загодя выкопанной в саду... Именно в тот день, как вспоминает мама, я слег и пролежал всю войну.

Случилось это, как я недавно узнал из документов, выложенных в Интернете, 7 июля 1941 года. В тот день бои, перекатившись через речку и хаты вдоль нее, погромели дальше на восток, под Гомель...

Завоевателей поначалу не прельстили наши крытые соломой и гонтом хаты, их штаб разместился

в Красном Береге, в бывшем панском поместье неподалеку от железнодорожной станции. Только в середине 1943-го и у нас расселилась воинская часть. В декабре мама зазвала ко мне немецкого доктора. Я лежал почти поперек лавки: щупленький, весь покрытый гнойниками и струпиями. Немец поставил диагноз — сыпной тиф, а потом с сожалением произнес по-русски: плохо, матка, совсем плохо, не выживет. Уже уходя, добавил: если съест вдруг чего захочет — из-под земли достань! Возле землянки и в этой части улицы выставили плакаты «Тиф», написанные черными готическими буквами. Немцы обходили опасные места стороной. Нет худа без добра: здесь спрятали и таким образом спасли от отправки на откачивание крови для немецких солдат моего девятилетнего двоюродного брата Мишу Чернецова. Обстоятельные немцы тщательно продумали оккупационную инфраструктуру, с тем чтобы извлечь максимальную пользу для рейха.

Пересыльный лагерь для невольных доноров расположили рядом, в том же Красном Береге. Недавно на этом месте сооружен мемориал, при посещении которого невозможно сдержать слез.

Я за эту войну чем только не болел. Сперва тяжелое воспаление легких, оторгнувшееся начальной стадией туберкулеза, потом скарлатина и сыпной тиф в его самой тяжелой форме, а под занавес еще и малярия. Уже в семнадцать лет мама со слезами на глазах призналась мне, что дальняя родственница Тэкля, единственная портниха в деревне, сшила для меня похоронную рубашку. Никто не верил, что смерть меня отпустит. Но видимо, все опасные недуги, столкнувшись в маленьком тельце, разодрались между собой и погибли в этой самоубийственной схватке — я выжил. Рассказывают, мне захотелось сала, и мама зимой 1944 года, когда немцы все и у всех съели, где-то раздобыла кусочек. С тех пор она утвердилась во мнении, что сало меня и спасло. Я ей верил, пока не осознал: раз аппетит появился — смерть отступила еще до сала.

Уже отчетливо помню маму в сорок четвертом. Мы с братом скукожились на дне небольшого окопчика, наспех вырытого в созревающей ржи, а мама стоит над нами на четвереньках, прикрывая своим телом. Вокруг свистят пули, рвутся снаряды. Сколько она так простояла — не знаю, да и она сама не помнила: может, полдня, а может, и больше.

* * *

Мама моя была не по-деревенски красивой — просто барышней и умницей, хотя окончила лишь четыре класса церковно-приходской школы. В колхозе, который образовался в конце 1929 года, числилась ударницей. В награду вызвали в райцентр, привезли на небольшой аэродром и прокатили над деревней на аэроплане: за полетом, задрав головы к небу, следила вся деревня. Случилось это в 1931 году. И до того у нее отбоя от женихов не было, но, когда спустилась «с неба на землю», ухажеры как с цепи сорвались. А она ни к одному не приткнулась, никто ей не нравился. Говорила, мне, дескать, и незамужней хорошо. Любимый брат Алексей баловал Настю, младшую из трех сестер, и на свою учительскую зарплату чего только ей не дарил: и блузки шелковые, и юбку до пола, бархатную купил, а уж туфли — хоть каждый день меняй. Одевал как королевичу. И возил, куда хотела — не хотела: и в Жлобин, и в Бобруйск, и даже Гомель показал. Мать, моя бабушка Марья Ильинишна, журила: шла бы уже хоть за кого-то, а то, гляди, в девках останешься.

Но вот осенью появился в деревне Лукаш, мой будущий отец, отправившийся куда-то под Москву то ли на заработки, то ли на учебу. Был он

из богатой семьи, дом в пять окон, но в двадцать девятом, по воспоминаниям пожилых односельчан, моего деда Романа «раскулачили» и отправили куда-то в Сибирь. Так и не вернулся...

Но сыновей дед успел выучить. Только старший Максим крестьянствовал в своей деревне, Алексей выучился на учителя, Лукаш поехал куда-то на заработки: в своем районе сыну зажиточного селянина ходу не было. Младший, Николай, работал на маслобойне в Поболове, заочно учился и тоже собирался стать учителем младших классов.

Другие уезжали и как в воду канули, а Лукаш вернулся. Солидный, в костюме, при галстуке. Пришел, через Варку, старшую, уже замужнюю сестру, вызвал из дому в палисадник, усадил на призбу, закрыл калитку на щеколду. Сам сел рядом. И сердце екнуло.

— Чего калитку запираешь? — спросила, чтобы прийти в себя. — Боишься, шток не сбега?

Хотя ни любви, ни даже взглядов-переглядов у нее с ним до отъезда из деревни не было, но тут она почему-то испугалась, почувствовав: доли девичьей конец настал. Так оно и вышло: обнял, тесно прижал к себе и поцеловал в неподдающиеся губы. И пахло от него по-городскому, чем-то неизведанным, притягательным. И где такой диколон нашел, что от него голова кружится, подумалось ей.

— Замуж за меня пойдешь, чтоб там тебе не пели! — выдохнул после поцелуя. А потом отстранился и добавил: — Ты тут побудь, а я к Ильинишне, скажу про нас!

Батька мамин помер от тифа в Рогачеве в 1918 году, там во время Гражданской беспокойно было, и никто не знает, где его закопали.

— А што к ей идти! Она меня за каго хочешь отдаст, ты вот к Леше, к брату сходи, ему скажи! Как он решит...

— А с Лешей я уже все обговорил. Вся нашу судьбу... В пятницу в сельсовет пойдем.

— А ты насовсем приехал или як?

— Или як, — улыбнулся он ее деревенскому наречию. — Распишемся, поживу с месяц и уеду. На рабфак поступлю во Владимире, а потом в учительский институт. Закончу, попрошусь в школу в Поболово, тогда и заживем как полагается.

— А я что тут? Ни девка, ни женка... Ты про меня подумал?

— То-то, что подумал! Будешь жить как и жила. За тобой Леша присматривает, да ты и сама гляди... Так ты как?

— А что я? Ты же всё решил! — почему-то сразу согласилась она.

Интересно, если б знала, что тем самым она, независимая и даже строптивая в девках, раз и навсегда определяет себя только как мужняя жена, было бы сватовство отца столь стремительно успешным?

Уже на следующий день пошел по деревне слух про свадьбу, и потянулись в дом с последней, отчаянной надеждой поклонники. Один даже страшил застрелить ее и себя. Она, скрывая испуг, решительно отказала:

— Что ж, стреляй!

Молодой муж ввел жену в родительский дом и опять укатил на долгих пять лет. А спустя месяц тяжелый инсульт свалил свекровку, Ульяну Романиху. Была она уважаемой знахаркой и шептухой, вся деревня к ней лечиться ходила, а себя вот недоглядела; видно, арест и высылка мужа не прошли даром.

Почти пять лет мама так терпеливо и самоотверженно ухаживала за парализованной, что ее «хоронили без погребения», с нескрываемым уваже-